

Дёмин О.Б. Одесская оборонительная операция или оборона Одессы: pro i contra // Альманах історичних досліджень. – Одеса, 2012. – Випуск 1. – С. 37-48.

Дёмин О.Б.

ОДЕССКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ ИЛИ ОБОРОНА ОДЕССЫ: PRO I CONTRA

В первый день войны командование пограничных округов получило от наркома обороны СССР оперативную директиву, в которой приказывалось: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Цитировавший этот документ в своих воспоминаниях бывший командующий Южным фронтом генерал армии И.В.Тюленев прокомментировал его следующим образом: «Но на каком именно рубеже, какими силами и средствами отразить внезапное нападение врага, не указывалось. А между тем обстановка настоятельно этого требовала. ... Не имея конкретной, вытекающей из обстановки задачи, наши войска вынуждены были вести боевые действия на случайных рубежах. Характер этих действий был неопределенный...» [1]. Прошло уже почти 70 лет с тех событий, а в современной историографии неопределенность оценок все еще остается. Особенно это касается оборонительных боев начала войны. И это не случайно, так как даже для самих участников сражений 1941 г., с течением времени, стало вызревать другое, помимо официального, понимание тех событий. Так, тот же генерал армии И.В.Тюленев назвал бои начального периода Великой Отечественной войны «отступательно-оборонительными», не соглашаясь с формулировкой «оборона советских войск». Он считал, что принятое в советской военной литературе определение ставит в заслугу врагу прорыв этой мнимой обороны [2].

Во многом подобные разночтения явились результатом того пренебрежительного отношения к оборонительным операциям, которое

сложилось в советском военном искусстве накануне войны. «Если враг нападет..., мы не только не пустим врага в пределы нашей родины, но будем его бить на той территории, откуда он пришел», – учил «Вождь Красной Армии», маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов [3]. Исходя из этих общих установок, роль обороны систематически и, в определенном смысле, преднамеренно недооценивалась.

В советской историографии 80-х годов постфактум вынужденно признавали, что в предвоенное время высшим руководством СССР «стратегическая оборона рассматривалась как правомерный, но временный, вынужденный вид военных действий, который может быть применен при невыгодной военно-политической обстановке и неблагоприятном соотношении сил» [4].

Действительно, советское военно-политическое руководство предполагало, что оборонительные общearмейские операции будут применяться в основном на второстепенных направлениях для экономии сил и средств в интересах ударных группировок, предназначенных для наступления. Причем, основной целью таких операций должно было стать поражение атакующего противника и создание условий для последующего наступления [5].

Кандидат военных наук, полковник В.А.Анфилов объяснял подобное положение вещей тем, что советское командование предполагало вести оборону в течение только небольшого количества дней после нападения, чтобы затем, отобилизовав и сосредоточив главные силы, перейти в наступление. Поэтому военные действия начала войны должны были вестись войсками прикрытия, опиравшимися на укрепленные районы (сокращенно называемые УРы) приграничной полосы. В них были обустроены несколько полос обороны: полосы обеспечения, предполья, передний край главной полосы обороны и так далее. Отталкиваясь от опыта первой мировой и гражданской войн, вдоль границы стали возводить систему укрепленных районов, которые признавались лучшей формой военно-инженерной

подготовки приграничной полосы, с задачей прикрытия важнейших операционных направлений, ведущих в глубь территории. В УРах размещались специальные части, являвшиеся их гарнизоном в мирное время. Теоретически предусматривалось, что полоса обороны стрелковой дивизии будет составлять по ширине 8 – 12 км при противотанковой плотности до 10 орудий на 1 км танкодоступного фронта. Таким образом, считали, что на границе будет существовать устойчивая и непреодолимая оборона как основа перехода в наступление [6].

Поэтому, в руководствах и уставах РККА внимание акцентировалось на упорстве и активности войск, на создании глубокой обороны, способной отразить атаки противника. Предусматривалась оборона двух видов: позиционная, для удержания подготовленных оборонительных рубежей и маневренная или подвижная, для последовательного удерживания рубежей, выигрыша времени, накапливания резервов и последующего разгрома противника [7]. Исходя из сложившихся реалий начала 40-х гг. можно утверждать, что в Красной армии положения об обороне были лишь данью военной традиции, необходимой составляющей подготовки красноармейца. Фактически в документах РККА речь шла лишь об оборонительном бое, как временном, краткосрочном и преходящем явлении, неизбежно и повсеместно сопутствующем наступлению. Советские руководители, опираясь на собственную практику участия в войне, исходили из того, что наступление лучшая оборона.

Нечто подобное было и в понимании военной операции. В советском военном оперативном искусстве довоенного времени нашлось место исключительно, по сути, для наступательной операции. Ибо только такой вывод следует из того, что в представлениях советских военных теоретиков под операцией «стали понимать комплекс боевых действий различных родов войск, входящих в состав большого общевойскового соединения (армии, группы армий или фронта) и объединенных общим оперативным замыслом; целью операции является разгром определенной группы вооруженных сил

противника» [8]. То есть, по советским военным канонам конца 1930-х гг. любая операция могла быть только наступательной, а уж никак не оборонительной.

Советская военная доктрина 1930-х гг. продолжала довлеть над военными историками и советским военным руководством послевоенного времени, оказывая влияние на оценки военных действий войны. Советские историки военного искусства Красной армии и в середине 80-х годов утверждали, что в первом периоде Великой Отечественной войны применялись два вида стратегических действий: стратегическая оборона и стратегическое наступление. Причем в это время появилась новая форма стратегической оборонной операции – операция группы фронтов. Но наибольшее распространение тогда получили фронтовые и армейские операции [9]. Однако примеры таких операций приводились крайне редко. Как правило, писалось о Московской и Ленинградской оборонительных операциях, а затем указывается на проведение «ряда» других оборонительных операций. Так, в специальной работе об армейских операциях, проведенных во время Великой Отечественной войны, в число оборонительных операций были включены исключительно битвы под Москвой и Сталинградом [10].

И это при том, что уже с 1970-х гг., хотя и эпизодически, в военно-исторической литературе стали появляться публикации, в которых рассматривалась история отдельных оборонительных армейских операций, например, 8-й армии в Прибалтике и 4-й армии в Белоруссии [11].

Однако системного пересмотра событий начала войны с точки зрения более адекватного определения сущности прошедших боевых действий не произошло ни в хронологических рамках советской исторической науки, ни в новой исторической науке Украины. Весомую роль сыграли и играют стереотипы массового воспитания и сознания, воспринятые в советское время: о всеохватывающей агрессивности немецкого народа и общества гитлеровской Германии и всеобщей миролюбивой политике советского

правительства и государства, о защите советского народа перед лицом фашистского нападения. Одновременно в независимой Украине получили достаточно широкое распространение и противоположные оценки: о подготовке СССР нападения на Германию, об отказе населения УССР защищать сталинское социалистическое государство.

Однако остается значительное число вопросов, рассматриваемых на уровне восприятия первых послевоенных десятилетий, но требующих не политического, а исторического анализа, не скованного жесткими рамками идеологических догматов КПСС. Не в последнюю очередь это относится к таким знаковым образам военного времени как «города-герои». Даже на уровне подсознания возникают словосочетания «оборона Киева», «оборона Москвы», «оборона Ленинграда» и так далее. Еще более наглядно это предстает, когда упоминается «оборона Одессы». Формально в нем содержится не военное, а глубоко гражданское, даже пацифистское понимание – город мирный, торговый порт, гражданское население.

Дата начала обороны Одессы – 5 августа 1941 г. была директивно определена уже в послевоенное время, исходя из партийных принципов советской военной науки, подразумевающих определяющее верховенство указаний партийного и советского руководства. Фактически в основу датировки легли формальные признаки, трактуемые в свете «направляющей и организующей роли» коммунистической партии в годы войны. Не принималось во внимание, что качественные оценки расходились с реальной жизненной ситуацией. Но даже и в советское время авторы работ об обороне Одессы не могли не отмечать инициативу руководства Южного фронта и Черноморского флота, нацеленную на организацию оборонительных действий в районе Одессы. Так, в ставшей, в определенном смысле, канонической книге «73 героических дня», указывается, что Ставка Верховного главнокомандующего учла соображения штаба Юго-Западного направления (главнокомандующий – маршал Советского Союза С.М.Буденный, начальник штаба генерал-майор А.П.Покровский)

относительно обороны Одессы, а также приказ наркома ВМФ адмирала Н.Г.Кузнецова об использовании сил Черноморского флота в обороне Одессы. Поэтому Ставка 5 августа 1941 г. отдала директиву главнокомандованию Юго-Западным направлением: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот» [12]. В конечном итоге эта санкция наивысшего на то время органа партийной и советской власти в СССР и стала точкой отсчета всех событий, связанных с обороной Одессы. Автоматически, такой подход исключал возможности какого-нибудь научного обсуждения вопроса.

Между тем, в военной науке существуют устоявшиеся и принятые, по крайней мере, большинством военных теоретиков представления об основных категориях боевых действий. Именно с этих позиций, а не с высоты партийных, тем более отвергнутых, установок следует оценить ход «обороны Одессы». Так, по определению профессора стратегии российской Николаевской академии генерального штаба генерал-лейтенанта Г.А.Леера, операция как часть военной кампании представляет собой законченный период от стратегического развертывания армии до окончательного решения операции. В состав операции входит и ее подготовка: организация армии, устройство основания действий (операционной базы), сосредоточении на нем запасов и войск, подготовка театра военных действий в инженерном отношении. Как дополнение – устройство тыла армии в административном и боевом отношении, то есть устройство промежуточных (вспомогательных) баз и коммуникационных линий. Главный центр операции – правильная выработка основной идеи или операционной линии. При ее выборе необходимо руководствоваться рядом главных условий: во-первых, операционная линия должна вести к уничтожению или крайнему ослаблению неприятельской армии; во-вторых, она должна проводиться в наиболее выгодном направлении; в-третьих, она должна быть безопасной с точки зрения наступления, отступления и снабжения [13].

Рассмотрим, подходит ли «оборона Одессы» под определение «операция». Как указывалось в «Истории военного искусства» на начальном этапе войны наибольший опыт оперативного искусства советское командование получило в методах ведения фронтовых и армейских операций [14]. Учитывая, что оборона Одессы проходила в организационных структурах Приморской армии и приданных ей частей различных родов войск, опиралась на подготовленную операционную линию, длительность ее проведения в условиях выгодного для обороны ландшафта местности имеются основания для вычленения в период начального этапа войны Одесской армейской оборонительной операции.

Не менее важно при анализе ситуации и наличие в предвоенное время определенных предпосылок для возможного развертывания в этом районе оборонительного сражения. И без армейской структуры Одесса накануне войны была значительным военизированным городом, центром Одесского военного округа, располагала внушительными военными силами – армейским гарнизоном, внутренними войсками и подразделениями Одесской военно-морской базы (командир – контр-адмирал Г.В.Жуков). Последняя была создана в феврале 1940 г. и территориально занимала побережье Черного моря от Днестровского лимана до Днепро-Бугского лимана включительно, где располагался Очаковский укрепленный сектор, подчиненный Одесской военно-морской базе. Береговая артиллерия базы состояла из трех артиллерийских дивизионов, имевших 12 береговых батарей, в том числе 6 стационарных (№ 1, 6, 21, 39, 411, 412) и 6 подвижных (№ 36, 37, 38, 65, 724, 726). Всего насчитывалось 44 орудия калибром от 76 до 203 мм. Наиболее мощной была стационарная батарея № 21 – три орудия калибром 203 мм, располагавшаяся в районе Лузановки (восточный берег Одесского залива). В Люстдорфе (западный берег залива) находились стационарная батарея № 1 (три орудия калибром 152 мм), подвижная батарея № 36 (три орудия калибром 76 мм) и подвижная батарея № 724 (четыре орудия калибром 152 мм). Наибольшим количеством орудий – по пять (три

орудия по 180 мм и два орудия по 45 мм) располагали стационарные батареи – на западной окраине города № 411 (Большой фонтан) и на восточной окраине – № 412 (с.Чабанка). В Очаковском укрепрайоне имелось еще 4 батареи из 16 орудий калибром 45 – 203 мм [15]. Кроме того, на Одессу базировались крейсер «Коминтерн», эсминец «Шаумян», отдельный дивизион канонерских лодок (4 единицы), 2-я бригада торпедных катеров (23 единицы), два дивизиона тральщиков, отряд сторожевых катеров, подразделения охраны рейда, минный заградитель «Лукомский».

Противовоздушную оборону Одессы обеспечивали 69-й истребительный авиационный полк (30 самолетов И-16) и три отдельные морские эскадрильи (35 самолетов И-15, И-16, Як-1). Зенитное прикрытие включало 73-й зенитно-артиллерийский полк (два дивизиона из 24 орудий 76 мм), пулеметный (18 единиц) и прожекторный (9 единиц) батальоны, 32-я отдельная рота воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), отдельная химическая рота и другие подразделения. Наблюдение за морем велось с корпусно-моторных шхун и катеров, которые разворачивались в три линии с максимальным удалением от Одессы до 30 миль. Операционная зона Одесской военно-морской базы включала фактически весь Одесский залив [16]. Но к началу войны единого плана обороны Одессы с моря, суши и воздуха не существовало, так как высшее руководство армии и флота считало, что боевые действия в этом районе маловероятны [17]. Такой подход абсолютно вписывался в ту концепцию будущей войны, которую пропагандировали и демонстрировали советские военные и партийные руководители страны в конце 1930-х гг.

Однако уже первые дни боев войны заставили все же некоторых, но все же, не всех, военачальников и то, не сразу, вспомнить о необходимости использования искусства оборонного боя. Первоначальные документы штаба Южного фронта создавались исходя из директивы наркома обороны СССР от 22 июня 1941 г., то есть в соответствии с предвоенными планами и довоенными представлениями об обороне. Так, 25 июня директивой штаба №

01/ОП ставилась задача армиям фронта – оборонять госграницу и быть готовым к решительным наступательным действиям [18]. Вечером того же дня штаб фронта поставил боевой приказ войскам фронта с задачей уничтожения противника и отбрасывания его за пределы границы [19]. Однако, до конца июня на значительном пространстве от Карпат до Черного моря враг воздерживался от крупномасштабного наступления, ограничиваясь эпизодическими попытками проникнуть на советскую территорию. Вероятно главнокомандование вермахта все же рассчитывало, что советские войска без боя оставят Пруто-Днестровское междуречье из-за опасения оказаться в окружении. Поэтому в первую неделю войны немецкое командование не приняло окончательного решения о сроках ввода в сражение размещенных вдоль советской границы сил 11-й немецкой, 3-й и 4-й румынских армий [20].

Как отмечал командующий Южным фронтом генерал армии И.В.Тюленев, «в положении войск фронта 22 июня и в течение последующих трех дней существенных изменений не произошло» [21]. Воспользовавшись этим, советское командование занялось укреплением границы, вдоль которой размещались лишь отдельные батальоны. Подошедшие к р. Прут части 9-й и 18-й армий развернули основные силы и приступили к организации обороны. Но уже 1 июля силы 11-й немецкой и 3-й румынской армий перешли в наступление на моголев-подольском и бельцевском направлениях, переправившись через р. Прут. При этом, удар наносился не с целью разгрома войск Южного фронта, а с задачей создать угрозу левому крылу Юго-Западного фронта, способствуя, тем самым, успеху войск группы армий «Юг» на житомирско-киевском направлении, чтобы в дальнейшем, во взаимодействии с ними окружить части 6-й, 26-й и 12-й советских армий.

В середине первой декады июля меняются оценки штаба Южного фронта. В боевом донесении штаба Ставке верховного командования от 5 июля 1941 г. констатируется, что армии фронта выполняют поставленные задачи методом подвижной обороны. Основа обороны предполагалась по

линии укрепрайонов, располагавшихся по Днестру (Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, Ямпольский, Летичевский, Рыбницкий, Тираспольский УРы). В этом донесении уже присутствует и словосочетание «оборона Одессы». В разделе, посвященном построению обороны армий Южного фронта отдельным пунктом 3 отмечается: «Для обороны Одессы и подступов к ней район в границах – Березовка, Тирасполь (иск.), Опач, р. Чага, оз. Сасык, побережье Черного моря до Николаева (квл.) – создается Одесская группа войск в составе: 51, 25, 116 сд, гарнизон Тираспольского Ура и все части, имеющиеся на побережье Черного моря в указанных границах. Командующий Одесской группы – замкомвойсками генерал-лейтенант Чибисов» [22]. В этом же донесении содержится и сообщение об организации оборонительных работ на тыловом фронтовом рубеже по восточному берегу р. Южный Буг от Винницы до Николаева.

Таким образом, к 5 июля уже было принято решение о подготовке оборонительных действий в районе Одессы. Это, даже в соответствии с советскими военно-теоретическими установками, означало начало армейской оборонительной операции, учитывая, что отсчет операции, как правило, велся с принятия решения, постановки задач войскам, планирования действий, создания оборонительной группировки, инженерного оборудования полосы обороны и так далее [23]. Уже 6 июля генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов докладывал народному комиссару обороны о ходе строительства оборонительных сооружений. 8 июля была сформирована Приморская группа войск в составе 14 стрелкового корпуса (25, 51, 150 сд), 26 и 79 погранотрядов НКВД, Одесской военно-морской базы, Дунайской военной флотилии [24]. Начальником штаба группы назначили начальника штаба Южного фронта генерал-майора Г.Д. Шишенина.

Перед группой была поставлена задача прочно прикрыть восточный берег р. Прут, северный берег р. Дунай и побережье Черного моря, не допуская высадки морских и воздушных десантов противника. Несколько ранее, 7 июля командующий фронтом решил создать ударную группу войск

9-й армии, которая совместно с частями 18-й армии и резервами фронта должна была уничтожить бельцевскую группировку. Все это выстраивалось в расчете не только на успех действий войск Южного фронта, но и на сохранении стабильности на Юго-Западном фронте.

Одновременно продолжилась работа по организации инженерных сооружений – траншей, противотанковых рвов, надолбов, ежей, огневых позиций. Для создания оборонительных рубежей на одесском и николаевском направлениях из местного населения формировались фортификационные батальоны по 500 человек в каждом. В Измаильской области их создали шесть (приблизительно три тысячи человек) и в Одесской области – двенадцать (около шести тысяч человек). На подступах к Одессе строили три рубежа: первый – в 60 км от города по линии Новая Одесса – Покровское – Веселиново – Березовка – Катаржино – станция Раздельная – Кучурганский лиман с общей протяженностью в 170 км; второй – в 40 км от города по линии Владимировка – Нечаянное – Петровское – Севериновка – Мангейм – Беляевка длиной в 160 км; третий – в 20 – 25 км от Одессы по линии – верховья Аджалыкского лимана – Коблево – Свердлово – Кубанка – Выгода – Маяки протяженностью 95 км [25].

Однако принятие решений и их реализация не поспевали за быстро меняющейся ситуацией на советско-германском фронте. В середине июля на основных направлениях наступления противник добился значительных успехов, результат которых начал оказывать влияние на положение всего Южного фронта и Приморской группы войск в частности.

9 июля окончились приграничные сражения в Западной Украине и советско-германский фронт начал достаточно стремительно в полосе Юго-Западного фронта смещаться на восток. Нависла угроза над всем Южным фронтом, которых до этих пор в целом успешно противостоял противнику вдоль советско-румынской границы. Для координации действий двух фронтов советское командование создало Юго-Западное направление, главнокомандующим которого был назначен маршал Советского Союза

С.М.Буденный. Однако новое командование не оправдало доверие руководства, да и не могло в тех условиях выполнить поставленные перед ним задачи. Введение промежуточного звена в управлении фронтами лишь усложняло ситуацию. Уже 16 – 17 июля враг захватил столицу МССР г. Кишинев, города Бар и Жмеринка Винницкой области и город Белая Церковь Киевской области. Создалась угроза обхода правого крыла Южного фронта. Поэтому по мере осложнения обстановки на левом фланге Юго-Западного фронта начался отвод советских войск от р. Прут. 19 июля советские войска оставили г. Измаил.

Кроме того, усилилась и непосредственная угроза самой Одессе. В боевом донесении штаба Южного фронта от 12 июля указывалось, что имеющиеся предположительные данные о возможности воздушно-морского десанта в районе Одессы заслуживают внимания. Поэтому директивой на имя командующего Приморской группой был намечен целый ряд мероприятий для противодействия возможным десантам [26]. Вероятно, в связи с реализацией намеченных мер командир Одесской военно-морской базы 16 июля объявил боевую готовность № 1, личный состав занял места по обороне города. 17 июля в штаб Черноморского флота пришло сообщение из штаба Южного фронта, что после оставления Кишинева «на очереди борьба за Одессу» [27].

18 июля после анализа сложившейся ситуации на Южном и Юго-Западном фронтах Военный совет Южного фронта пришел к выводу, что «основной задачей войск Южфронта на ближайшее время является прочное удержание в своих руках основного оборонительного рубежа по р. Днестр, также Одесского района, сохранение живой силы и материальных средств и создание оперативных резервов за счет сокращения фронта» [28]. Об этом штаб фронта донес начальнику генерального штаба Красной армии, резюмировав, что «во исполнение этих решений и Ваших личных указаний и была отдана директива фронта» [29]. В ней приказывалось: «Приморской армии (прежнем составе, включая Дунайскую военную флотилию) отойти

главными силами к утру 21.7 на восточный берег р. Днестр, где, опираясь на центр и южный фас Тираспольского УР и аккерманские позиции, во взаимодействии с Черномор. флотом не допустить прорыва противника в направлении Одессы, удерживая последнюю при любых условиях» [30]

Командование Приморской армии приступило к выполнению поставленной задачи. В ходе ее реализации генерал-лейтенант Н.Е.Чибисов 20 июля обратился к вице-адмиралу Ф.С.Октябрьскому с просьбой «эвакуировать из Одессы все – и промышленность, и население» [31]. В этот же день в Одессу с основными силами Дунайской флотилии (пять мониторов, бронекатера и сторожевые катера) прибыл командующий Дунайской флотилией контр-адмирал Н.О.Абрамов [32]. Однако они вскоре ушли в Днепро-Бугский лиман и в дальнейшем участвовали в боевых действиях на Днестре.

Для всего Южного фронта, Приморской армии и Одессы, в частности, ситуация резко ухудшилась в конце июля – начале августа 1941 г. Обнаружилось, что несмотря на принятые подготовительные мероприятия многое не выполнено или оказалось уже не нужным. Поэтому 27 июля контр-адмирал Ф.С.Октябрьский отдал устные приказания для передачи командованию Одесской военно-морской базы и одновременно направил в Одессу контр-адмиралу Г.В.Жукову телеграмму следующего содержания: «1. Немедленно приступить к созданию сухопутной обороны, организовать круглосуточную работу, использовать все силы и средства вооружения, в том числе мины. 2. Отправить в Севастополь только то, что не нужно для обороны, категорически запретить эвакуацию воинских частей. Материальная часть стационарных береговых батарей ОдВМБ не вывозится, а уничтожается в самый последний момент» [33]. Надо понимать, что в этом конкретном случае речь шла о создании системы сухопутной обороны для структур военно-морской базы, не имевших таких сооружений со стороны суши.

Приморская армия достаточно прочно удерживала еще оборону по р. Днестр и Днестровскому лиману, но четко обозначилась опасность охвата частей армии с севера и запада со стороны Кировоградского и Первомайского направлений. В боевых донесениях штаба Южного фронта в Ставку верховного командования от 2 и 3 августа содержались оценки о появлении прямой угрозы Одессе [34].

Таким образом, в опубликованных документах отсутствует упоминание об оборонительной операции применительно к Одессе. Впрочем, это понятие было фактически «вне закона» в условиях 1941 г. Военноначальники разных уровней предпочитали пользоваться термином «маневренная оборона». Так, начальник артиллерии Южного фронта в докладе начальнику артиллерии Красной армии от 30 июля 1941 г. описывая общую обстановку на фронте, констатировал, что она разворачивалась «в условиях маневренной обороны на широком фронте...». Вероятно, по-другому и быть не могло, потому что в этом же донесении начарт фронта подчеркивал, что в директиве «по организации системы артиллерийского огня при обороне УР по р. Днестр» специально оговаривалось о случаях перехода к маневренной обороне [35]. Лишь в такой обстановке существовала возможность санкционирования отвода войск с занимаемых рубежей, то есть фактическое отступление, сопровождавшееся оборонительными мероприятиями.

Отдать приказ в первых числах июля о начале Одесской оборонительной операции – значить прослыть паникером и трусом, а возможно и попасть под трибунал. А этого не мог позволить себе даже командующий фронтом, который в одном из своих приказов (31 июля) давал твердое распоряжение: «повести жесткую борьбу с паникерами, трусами и дезертирами» [36]. Вообще же в военной документации лета 1941 г. характерно повсеместное использование слов – «отбрасывание», «сдерживание», «нанесение удара», «контратака», «ведение тяжелых, упорных боев» и так далее. Все же, иногда и прорываются слова – «отход», «выход», «оборона». В такой обстановке употребление словосочетания «маневренная оборона» всегда допускало

возможность утверждать, что войска готовы в благоприятных условиях перейти в наступление, чего требовала постоянно Ставка верховного командования.

И в тоже время реально мыслявшие командиры понимали необходимость подготовки к оборонительным действиям, организации оборонительных операций. Так, на втором месяце войны командир 9-го отдельного стрелкового корпуса генерал-лейтенант П.И.Батов (впоследствии один из видных военачальников Великой Отечественной войны) в докладной записке командующему Южным фронтом от 4 августа 1941 г. прямо писал: «Последняя обстановка, складывающаяся в настоящее время на фронте, ставит вопрос организации обороны Крыма, как изолированной обороны» [37]. То есть, он фактически заговорил о необходимости начала Крымской оборонительной операции. Нечто подобное, но раньше, произошло и с Одесской оборонительной операцией.

Таким образом, достаточно реальной представляется возможность проведения частями Приморской армии и Черноморским флотом Одесской оборонительной операции, начавшейся, как можно предполагать на основании изданных источников, 5 июля 1941 г. Военно-политические реалии того времени не позволяли кому-либо пользоваться термином «оборонительная операция». Поэтому ее начало камуфлировалось, в определенной степени, под понятием «подвижная оборона».

Однако против признания фактического осуществления Одесской оборонительной операции говорит отсутствие прямых указаний на ее подготовку и реализацию в известных в настоящее время документах и воспоминаниях.

За признание свидетельствуют достаточно многочисленные факты, укладываемые в теоретическую схему армейской операции, их соответствие определениям операции, данным российскими и советскими военными теоретиками, многозначительные указания на «ряд» других оборонительных операций 1941 г., присутствующие в работах советских

военных историков, которые видели, но не могли в условиях догматизированных партийных установок прямо указать на примеры оборонительных операций. В контексте этих соображений и приведенных в тексте материалов (только опубликованных), можно утверждать, что составляющей начального этапа Великой Отечественной войны была Одесская армейская оборонительная операция. Начало ее предположительно относится к 5 июля, когда были приняты решения о создании Одесской группы войск для обороны Одессы и подступов к ней.

Составной частью Одесской оборонительной операции стала непосредственная оборона города, начавшаяся по указанию Ставки верховного командования 5 августа. Окончание оборонительной операции совпало с окончанием обороны Одессы 16 октября 1941 г.

Примечания:

1. Тюленев И.В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941 – 1945. – М., 2007. – С. 233.
2. Там же. – С. 234 – 235.
3. Ворошилов К. Статьи и речи. – М., 1937. – С. 656.
4. Вторая мировая война. Итоги и уроки. – М., 1985. – С. 293.
5. Коршунов В., Хабаров Б. Организация и осуществление управления войсками в армейских оборонительных операциях // Военно-исторический журнал. – М., 1977. – № 8. – С. 20.
6. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. – М., 1962. – С. 32 – 38.
7. Куц-Жарко К.Л. Армейская оборонительная операция // Советская военная энциклопедия. – Т. 1. – М., 1990. – С. 196 – 199.
8. Ярчевский П. Оперативное искусство // Большая советская энциклопедия. – Т. 43. – М., 1939. – С. 179.
9. История военного искусства / под ред. П.А.Жилина. – М., 1986. – С. 191 – 193.

10. Армейские операции (Примеры из опыта Великой Отечественной войны) / Под ред. генерала армии А.И.Радзиевского. – М., 1977. – С. 157 – 159.
11. Сандалов Л.М. Оборонительная операция 4-й армии в начальный период войны // Военно-исторический журнал. – М., 1971. – № 7. – С. 18 – 28; Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период войны // Военно-исторический журнал. – М., 1974. – № 7. – С. 75 – 84.
12. 73 героических дня. – Одесса, 1988. – С. 18 – 19.
13. Леер (Генрих Антонович) // Энциклопедический словарь / под ред. Брокгауза Ф.А. и Эфрона И.А. – Кн. 34. – СПб., 1896. – С. 484; Операции военные // Энциклопедический словарь / под ред. Брокгауза Ф.А. и Эфрона И.А. – Кн. 43. – СПб., 1897. – С. 8.
14. История военного искусства. – С. 193.
15. Иринархов Р.С. РКВМФ перед грозным испытанием. – М. 2008. – С. 319 – 320.
16. Там же. – С. 320.
17. Пензик К.В. Черноморский флот в обороне Одессы. – М., 1956. – С. 13; Иринархов Р.С. Указ. соч. – С. 321.
18. Лето 1941. Украина. – К., 1991. – С. 278.
19. Там же. – С. 281.
20. Анфилов В.А. Указ. соч. – С. 186.
21. Тюленев И.В. Указ. соч. – С. 230 – 231.
22. Лето 1941. Украина. – С. 289.
23. Куц-Жарко К.Л. Указ. соч. – С. 197.
24. 73 героических дня. – С. 13 – 14.
25. Там же. – С. 14.
26. Лето 1941. Украина. – С. 292.
27. Октябрьская Р.Ф. Штормовые годы. Рассказ об адмирале Ф.С.Октябрьском. – К., 1989. – С. 75.
28. Лето 1941. Украина. – С. 293.

29. Там же. – С. 294.
30. Там же. – С. 295.
31. Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. – С. 76.
32. Там же. – С. 76.
33. Там же. – С. 78.
34. Лето 1941. Украина. – С. 312, 314.
35. Там же. – С. 303, 304.
36. Там же. – С. 307.
37. Там же. – С. 314.